

УДК 947.7 :(977.9 =947.22)

Ганкевич В. Ю.

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ИЛЬЯСА БОРАГАНСКОГО

Богатые культурные связи России и Крыма всегда вызывали неподдельный интерес. Многие государственные и политические деятели, представители культуры и искусства бывали на Крымском полуострове и оставили о нем восторженные воспоминания.

Российскую культуру и науку всегда интересовали вопросы, связанные с многонациональной историей Крыма. Наиболее интересным, а иногда и трагическим было прошлое крымскотатарского народа.

Достаточно динамично развивались русско-крымскотатарские связи в XIX – начале XX в., когда Крым был частью Таврической губернии и входил в состав Российской империи. Именно в эту эпоху жили и творили выдающиеся сыны крымскотатарского народа, искренне полагавшие, что будущее мусульман возможно в союзе с русским народом. Среди них необходимо отметить целую плеяду просветителей Исмаила Гаспринского (1851 – 1914), Исмаила Муфтий-заде (1841 – 1917), Абдурешита Медиева (1880 – 1912). Среди них особняком находится фигура Ильяса Бораганского.

Его уникальность заключается в том, что он, будучи, горячим крымским патриотом, долгое время прожил в России. Там он искренне служил своему народу, делу сближения с русской наукой и культурой.

Ильяс мурза Бораганский родился 22 апреля 1852 г. в старинной дворянской семье [4, с. 52.]. Гордясь своей принадлежностью к крымскотатарскому народу, любя свой родной город, он на многих официальных документах подписывался не иначе как «бахчисарайский дворянин». Возможно, это оказывало ему моральную помощь в нелегкой жизни за пределами Крыма. На родине он получил обычное для крымскотатарских детей того времени образование. Проучившись в приходском мектебе и одном из местных медресе, И.Бораганский уехал совершенствовать свои знания в Стамбул. Там он учился с 1866 по 1874 год, где, очевидно, оттачивал свой каллиграфический талант и приобрел навыки мастерства. Обладая недожинными способностями в сложном деле каллиграфии восточно-мусульманских языков в конце 80-х годов XIX века, он был приглашен в Санкт–Петербург. И.Бораганский поселился в пригородной деревне Вилково по Новомихайловской улице. Однако в столице его квалифицированные способности не нашли должного применения и не пользовались «большим приложением», что повергло И.Бораганского в большую нужду.

25 августа 1893 года он обратился в Санкт–Петербургский Комитет внутренней цензуры. И.Бораганский ходатайствовал перед чиновниками этой структуры и

добивался разрешения переиздать старинное сочинение по классическому исламу. Литографируя эту книгу, он мог бы применить свои способности. Ходатай просил разрешения перепечатать изданный в Бомбее авторитетный мусульманский источник, автором которого был живший еще в XIV веке Эгитайху-Валий-Эбдин-Магомет-Бен-Абдуллах Тебризи. Книга называлась «Мишкат эль Масабах» и содержала в себе исключительно авторитетное собрание хадисов.

Приводя ряд убедительных доводов в пользу разрешения публикации этого сочинения, И.Бораганский акцентировал внимание аппарата Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры на том, что оно, в свое время, было переведено на английский язык и издано на территории Британской империи. Несколько позже книга была допущена к беспрепятственному распространению на арабском языке. А это косвенно свидетельствовало даже об определенном признании этого произведения английской колониальной администрацией, что должно было послужить своеобразным примером для российских цензурных чиновников. С другой стороны, запрет, могущий быть наложенным на это сочинение, способен ощутимо ударить не только по международному престижу Российской империи, но и нанести существенный материальный урон отечественным полиграфистам. Отсутствие этого издания на российском книжном рынке порождало нездоровый ажиотаж вокруг ее бомбейского тиража. Зная об огромном авторитете средневекового арабского богослова и о невозможности приобрести его сочинение у себя на родине, многие муллы, улемы и мудеррисы были готовы заплатить баснословные деньги и приобрести эту ценную книгу, изданную в Индии. Предвидя могущие возникнуть проблемы с цензурой по вопросу «о теории джихада», имеющей место в произведении Тебризи, И.Бораганский предупреждал ответственных чиновников Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры о совершенной невозможности делать какие-либо купюры. По его мнению, изъятие даже незначительной части книги, ставшей классической в исламской религиозно-правовой традиции способно дискредитировать все издание в глазах всего мусульманского духовенства. А для того, чтобы литографирование этой книги было все же разрешено, И.Бораганский возложил на себя ряд добровольных ограничений. Среди них наиболее существенными стали установление тиража в количестве 1000 экземпляров и относительная дороговизна розничной стоимости книги [1, л. 162 – 163].

Прошение И.Бораганского попало в руки известного русского востоковеда профессора Василия Дмитриевича Смирнова, возглавлявшего в то время цензуру литературы, издававшуюся или поступающую в Россию «на восточных языках». Профессор-цензор написал вполне благожелательный отзыв-рецензию, которой было трудно от него ожидать. И ходатайствовавший И.Бораганский и цензурирующий его предполагаемое издание В.Д.Смирнов знали, что по установленным правилам, вся информация о джихаде должна быть вычеркнута [1, s. 16]. Однако цензор посчитал, что в данном случае имеются условия для исключения. Он обратил внимание своего начальства на ряд существенных, по его мнению, доводов, которые позволили бы без вреда «пользе государственной» разрешить публикацию книги Тебризи в России. В.Д.Смирнов полагал, что предполагаемое к изданию И.Бораганским сочинение средневекового автора

считается у мусульман страны не только как старинное. Оно являлось в том числе и почитаемым «за очень авторитетное и чуть не священное и, так сказать классическое в мусульманских школах, чего уже не отвратить никакими цензурными ограничениями». С точки зрения цензурного ведомства Российской империи, главное достоинство этой книги заключалось в том, что она по своему языку, объему и по отрывочности изложения «малодоступна» непосвященному «заурядному» читателю. Не скрывал своей радости цензор и от того, «что г. Бораганский еще сам добровольно напрашивается на ограничение своего издания одною тысячею экземпляров» [1, л. 165]. Соответствующая высокая цена тоже существенно сокращала число потенциальных покупателей.

Все это вкуче, по мнению В.Д.Смирнова, могло стать «прекрасным прецедентом» для Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры на тот случай, если объявится еще какой либо желающий издать сочинение Тебризи. В подобном случае профессор-цензор рекомендовал указывать на уже опубликованное издание с целым ворохом разнообразных ограничений. Это должно было бы охладить пыл предполагаемых издателей в будущем.

В.Д.Смирнов отчетливо понимал, на какой материальный риск шел И.Бораганский, литографируя такую большую по объему книгу. Отдавая дань каллиграфическому таланту просителя, цензор понимал, что только большая нужда заставила И.Бораганского пойти на такие жесткие условия, на которые «едва ли кто отважится из теперешних мусульманских издателей».

Профессор В.Д.Смирнов даже может показаться ходатайствует о помощи в разрешении напечатать это сочинение полностью и без купюр, отмечая, что впавший в нужду искусный каллиграф с незаурядным талантом все равно оставался не у дел. Однако подобное «благородство поступка» полностью смазывается требованием взять с И.Бораганского подписку в том, что проситель обязывался литографировать книгу Тебризи в количестве не более 1000 экземпляров (кроме тех, которые представлялись в Санкт-Петербургский Комитет внутренней цензуры), а продавать в розницу по цене не ниже восьми рублей. На эти заведомо тяжелые условия И.Бораганский согласился и 15 сентября 1893 года подписал требуемую расписку [1, л. 176]. Пройдя все необходимые формальности, он немедленно приступил к работе.

И.Бораганский был полностью удовлетворен тем, что получил реальную возможность применить свои способности и поправить материальное положение. Чиновники же цензурного ведомства, слабо верившие в успех задуманного крымскотатарским просветителем предприятия, были довольны тем, что избавились от щекотливого вопроса с английским прецедентом, одновременно создав собственный казуистический, не позволявший классическому исламскому сочинению распространиться по регионам империи, населенным мусульманскими народами.

Пристально следивший за развитием «дела Бораганского» И.Гаспринский через несколько лет писал, что его земляк отличался не только добрым нравом, честностью и каллиграфическим талантом, но и настойчивостью, и трудолюбием. Как только И.Бораганский получил разрешение на открытие в Санкт-Петербурге собственной типографии, то он «отдался этому делу всей душой». И.Гаспринский знал и о том, что И.Бораганский не имея достаточно средств, «не мог развернуть свое дело как следует,

хотя напечатанием объемистой книги «Мишкат» на арабском языке, доказал всю силу своего искусства и старания» [3, 1318, 14 реби-эввеля.— № 23].

Вскоре И.Бораганский получил разрешение на содержание собственной типографии, очевидно приобретенной на средства, полученные в результате литографирования труда Тебризи. Он открыл свое издательство в 1894 году [10, с. 216.]. Оно расположилось на Петербургской стороне по Большому проспекту, 66. (Позже она была переведена на Васильевский остров по среднему проспекту 1/10) [4, с. 52].

В этой типографии ему удалось напечатать труд религиозно-догматического характера Фахреддина Абдураман ибн Али Анур Кави под названием «Бад-уль-эмани» («Начало спасения»). Тираж и этой книги быстро разошелся.

В начале 1895 года И.Гаспринский получил новую книгу, изданную в типографии И.Бораганского. Она называлась «Теджвид», то есть учебное пособие для этноконфессиональных учебных заведений мусульман. С ее помощью учащиеся могли научиться правильно читать коранические суры.

Тем не менее, И.Гаспринский отмечал, что все старания И.Бораганского встречали массу препятствий. Прежде всего, они носили материальный характер. Бахчисарайский коллега писал в своей газете «Терджиман», что все усилия владельца Санкт-Петербургской типографии не дали возможности поставить как следует дело собственного издательства. Солидаризируясь с И.Бораганским, И.Гаспринский через свой еженедельник обратился к соотечественникам и единоверцам с призывом. Он полагал, что дело И.Бораганского «могут и должны поддержать мусульмане провинции, так как весьма желательно, чтобы раз открытая в столице мусульманская типография не только существовала, но и расширялась». Ниже автор статьи, помещенной в газете «Терджиман» продолжал: «его типография есть нечто полезное и необходимое для мусульманского общества и должно поддержать его и просить Бораганского продолжать начатое дело, не покладая рук». Конкретно указывая пути реального содействия этому благородному делу, в газете отмечалось, что каждый из мусульман может явиться на помощь в различной форме. Среди них наиболее эффективным было бы обращение к И.Бораганскому с многочисленными полиграфическими заказами. Говоря о возможностях его типографии, газета «Терджиман» обращала внимание потенциальных заказчиков на те факты, что она может печатать большие и малые книги, карточки, счета, объявления и многое другое. Но, что важно, типография обладала теми мощностями, которые позволяли печатать по-русски, по-турецки, по-арабски и по-персидски. На этом акцентировалось внимание в первую очередь книготорговцев, коммерсантов и вообще людей богатых, «печатающих книги ради дела просвещения». Говоря об открывающихся перспективах для тюрко-мусульман России, газета И.Гаспринского подчеркивала, что ученые Санкт-Петербургского университета «и другие русские люди старались дать работу Бораганскому и поддержать его полезное дело». К сожалению, «все это были большие и случайные поддержки» [3, 1318, 14 реби-эввеля.— № 23].

Сам И.Бораганский не сидел, сложа руки. Он интенсивно искал пути для продолжения своего благородного и высокогуманного дела. Через несколько лет

после литографирования книги Тебризи он принял решение вновь обратиться в Санкт-Петербургский Комитет внутренней цензуры [11, s. 18].

Как ни старался В.Д.Смирнов создать в 1893 году максимально неблагоприятные условия для И.Бораганского, но уже через пять лет сам цензор попал в собственные сети. Созданный профессором-цензором искусный прецедент сработал против него же. За разрешением переиздать книгу мусульманского классика Тебризи обратился не кто иной, как сам И.Бораганский.

На этот раз он решился просить переиздать «Мишкат» уже типографским способом. А для окупаемости этого проекта на этот раз было необходимо увеличить тираж в пять раз, по сравнению с прошлым, когда нужно было впервые литографировать это сочинение. С подобным прошением И.Бораганский официально обратился в Санкт-Петербургский Комитет внутренней цензуры 6 февраля 1898 года. В этом документе крымскотатарский издатель ходатайствовал, несколько расширив арсенал собственных доводов и аргументов в пользу разрешения публикации книги исламского классика, на которую «есть спрос как у мусульман, так равно и у европейских ученых, занимающихся мусульманским правом». На этот раз И.Бораганский напомнил цензорам и о том, что представляемое им к изданию сочинение по своему характеру и духу подходит к известному классическому сочинению по мусульманской юриспруденции «Гидая», русский перевод с которого недавно издан в Ташкенте, а равно к сокращенному изложению начал исламского права «Мухтасару-ль Викая». Оно беспрепятственно было разрешено цензурой к напечатанию, «а предполагаемое мною, — писал он ниже, — к изданию сочинение на арабском языке и превосходит оба предыдущие сочинения своим значительным объемом, делающим это сочинение доступным одним лишь специалистам» [2, л. 9 – 9 (об.)], а не всем заурядным читателям даже «среди самых мусульман». В отношении последнего И.Бораганский несколько лукавил, понимая, что эта книга попадет, прежде всего, в крупнейшие и наиболее авторитетные мусульманские учебные заведения. Да и книга на арабском языке, конечно, распространялась бы, в первую очередь, среди исламского духовенства — шейхов, кадиев, улемов, мудерисов и мулл, имевших непререкаемый авторитет и огромное влияние на массы простых «заурядных» мусульман. Все же остальное понимали в Санкт-Петербургском Комитете внутренней цензуры не хуже И.Бораганского. Его прошение вновь попало в руки профессора В.Д.Смирнова. На этот раз тон цензора совершенно изменился. Для спасения «чести мундира» он стал даже оправдывать свое предыдущее решение. Признавая, что статья о джихаде «неприятна для всех мусульман», но она будто теряется в массе «стереотипных» рассуждений, повторений «старинных законовевов и традиционалистов магометанских», а значит теперь весь «этот вздор совершенно утратил, — по его мнению, — всякое практическое значение и повторяется магометанскими учеными по рутинной привычке». Понятно, что, вернувшись к исходному разрешению в 1893 году для профессора В.Д.Смирнова теперь не оставалось иного выхода как оправдывать собственное разрешение. Зная о таких последствиях, происшедших по собственной оплошности, он бы вычеркнул «вздор» и для него он бы не утратил «всякое практическое значение»... Но времена ушедшие никто не в силах вернуть. Профессор В.Д.Смирнов вновь посчитал «возможным

разрешить г.Бораганскому издание вышеупомянутого сочинения в желаемом количестве экземпляров» [2, л. 13].

Такие курьезные события предшествовали открытию И.Бораганским мусульманской типографии в Санкт-Петербурге и сопровождали первые годы ее существования.

В том же 1898 году И.Бораганский был «назначен лектором турецкого языка» в Санкт-Петербургском императорском университете. На этом посту он сменил некоего Ш.Абдураман эфенди [3, 1316, 23 джемаазиль-эввель.– № 38]. Он пробыл на этой должности ровно десять лет, занимая его с 20 августа 1898 по 20 августа 1908 года. И.Бораганский уволился из факультета восточных языков по причине «болезненного состояния» [4, с. 52].

В самом конце XIX века в типографии И.Бораганского была напечатана книга «Ненекеджан ханым дюрбе». Ее издателем выступил еще один крымчанин – Осман Нури Акъчокъракълы. В следующем 1900 году тот же О.Акъчокъракълы перевел на крымскотатарский язык и напечатал в той же типографии басни И.А.Крылова. И.Гаспринский, заметивший это незаурядное событие в крымскотатарской культуре, писал в своей газете, что О.Акъчокъракълы «прекрасно, изящно издал книжку переводов. Спасибо ему. Эту книжку каждый прочтет с удовольствием» [3, 1318, 8 джемази эль сани.– № 34].

Кстати, И.Гаспринский написал и большую статью об истории издательства И.Бораганского, опубликовав ее в конце июня 1900 года. В ней выдающийся крымскотатарский просветитель и гуманист выражал надежду на то, что невзгоды первых лет существования издательства не сломят И.Бораганского. В той статье отмечалось: «Вместе с тем, мы надеемся, что Бораганский терпеливо будет продолжать свое полезное дело на дальней стороне, не падет духом и рано или поздно заслужит благодарность мусульман» [3, 1318, 14 реби эввеля.– № 23].

За свою историю предприятие «бахчисарайского дворянина» И.Бораганского выпустило в свет массу качественных и полезных изданий. Среди них необходимо отметить капитальный труд профессора В.Д.Смирнова «Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках, труд академика А.Н.Самойловича «Собрание стихотворений императора Бабура» (ч.1) – ставший одной из последних книг издательства. В типографии И.Бораганского было напечатано и известное произведение Д.Н.Мамина-Сибиряка в переводе на крымскотатарский язык Дж.Меинова. Там же были изданы и стихотворения великого казахского поэта Абая Кунанбаева, подготовленные к печати П.М.Мелиоранским. В своей типографии И.Бораганский опубликовал и цикл восточных сказок выдающегося татарского просветителя Каюма Насырова. Продолжал издавать И.Бораганский и литературу правоведческого характера. Известно, что в его типографии был опубликован труд П.В.Антаки под названием «Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву», предназначенный для ханифитского мазхаба.

Опираясь на подсчеты ученого из Казани А.Г.Каримуллина, можно утверждать, что издательство И.Бораганского за период с 1894 по 1910 выпустило в свет 128 книг разного жанра и направления общим тиражом в почти полмиллиона экземпляров [8, с. 96, 179. Цит. по: 9, с. 49, 50].

Уже в 1919 году, когда к революционному Петрограду подошли войска генерала Юденича, в составе оборонявшихся частей красной армии активно участвовала башкирская конная дивизия. Политотдел этого подразделения печатал собственную газету на башкирском языке под названием «Салават». Она имела и оригинальный логотип, который звучал следующим образом: «От башкирских храбрецов, воевавших против самодержавия». И.Бораганский непосредственно помогал башкирам в деле организации этого периодического издания, отдавая весь свой богатый опыт и незаурядный талант родственному народу. Первый номер газеты «Салават» увидел свет 21 сентября 1919 года. Очевидно, тяжелые годы гражданской войны сделали недолговечным это уникальное издание. Оно просуществовало непродолжительное время и закрылось уже в мае 1920 года.

В 1920 году И.Бораганский отправился в Стерлитамак для организации там книгопечатания [4, с. 52]. Далее следы И.Бораганского теряются. Известные исследователи крымскотатарской литературы Р.Фазыл и С.Нагаев в своем труде, посвященном ее истории, утверждают, что выдающийся просветитель умер в Уфе в 1942 году [10, с. 218.].

Подвижническая деятельность И.Бораганского является яркой страницей в истории развития культуры крымскотатарского и многих других тюркоязычных народов России. Своим талантом он представлял высокохудожественную культуру родного народа [7, с. 28]. Его работа на ниве просвещения, по сути, является наглядным примером взаимообогащения русской и крымскотатарской духовности, подлинным примером интернационализма и гуманизма. Начатое в предельно неблагоприятных условиях дело создания мусульманской типографии И.Бораганского возвестило о себе в полный голос качественными с полиграфической и общекультурной точки зрения изданиями. Он издал большое количество учебной, религиозной, научно-востоковедческой, художественной, переводной литературы, что характеризует его как национального просветителя не только крымских татар, но и как деятеля культуры других тюрко-мусульманских народов России [6, 64]. Его книги несли просвещение в массы тюркских народов. И.Бораганский многие годы посвятил пропаганде благородных принципов просвещения, что ставит его в один ряд с плеядой тюркских издателей-просветителей мусульман Российской империи, среди которых необходимо отметить Гасана Меликова Задарби, Исмаила Гаспринского, Джеляла и Сеита Унси-заде.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (Санкт–Петербург). Ф. 777. Оп. 4. 1893. Д. 8.
2. Российский государственный исторический архив (Санкт–Петербург). Ф. 777. Оп. 5. 1898. Д. 1.
3. «Терджиман» – крымскотатарская газета, издававшаяся в Бахчисарае с 1883 по 1918 г.
4. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. Второе, переработанное, подготовил А.Н.Кононов.– М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.– 300 с.
5. Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. Татарская периодическая печать начала XX века: Библиографический указатель.– Казань: Милли китап, 2000.– 316 с.
6. Ганкевич В.Ю. Бораганский Ильяс// Деятели крымскотатарской культуры (1921 – 1944 гг.): Библиографический словарь.– Симферополь: Доля, 1999.– С. 63 – 65.

7. Ганкевич В.Ю. Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа ХІХ – ХХ ст.)/ Автореферат докт дисс.– Київ: Інститут сходознавства ім. А.Кримського Національної академії наук України, 2000.– 35 с.
8. Каримуллин А. Г. Татарская книга в пореформенный период.– Казань: Татарское книжное изд-во, 1983.– 319 с.
9. Керим И.А.-о. ХІХ асырнынъ сонъу ве ХХ асырнынъ башында кырымтатар бедий сезюнинъ эврими.– Симферополь, 1998.– 184 с.
10. Фазыл Р., Нагаев С. Кырымтатар эдебиятыннынъ тарихы.Къыска бир назар.– Симферополь, 2001.– 640 с.
11. Gankeviç V.Yu. Bahçesarayli Bir Asilzadenin Sankt Petersburg'daki// Emel.– Yil: 11+38= 49.– Sayi: 222, eylül–ekim.– S. 14 – 21.